

О. А. ВАЛЬКОВА, А. Э. КАРИМОВ

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ МАСТЕР-КЛАСС ПО УСТНОЙ ИСТОРИИ НАУКИ

17–19 февраля 2000 г. в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН состоялась встреча американских и российских специалистов по проблемам устной истории (*oral history*). На встрече присутствовали американские специалисты, научные сотрудники, стажеры и аспиранты ИИЕТ РАН и его Санкт-Петербургского филиала, Института океанографии РАН, Музея истории мирового океана в Калининграде, работающие в данной области. С российской стороны принимали участие: директор ИИЕТ РАН В. М. Орел, заместитель директора ИИЕТ РАН А. В. Постников, заместитель директора ИИЕТ РАН, заведующий информационно-аналитическим Центром «Архив науки и техники» С. С. Илизаров, преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге, один из организаторов встречи Д. А. Александров, В. В. Синюков, М. П. Ширшова, В. Мокиевский, Ю. А. Лайус, О. В. Валькова, А. А. Жидкова, А. Э. Каримов, Л. П. Емельянова и др. С американской стороны — Рональд Дойл*, Дэвид Ван Керен**, Кит Бенсон***, аспирантка Университета Джонса Гопкинса (*Johns Hopkins*) Таня Левин.

Часть встречи была посвящена «мастер-классу», в ходе которого известный специалист в области устной истории, профессор Орегонского университета США Р. Дойл продемонстрировал стандартную процедуру взятия интервью, наподобие тех, которые брались американскими исследователями в рамках проекта по устной истории Международного геофизического года. В свою очередь сотрудники Центра «Архив науки и техники» организовали фото- и видеосъемку интервью.

Сыграть роль рассказчика согласился участник Международного геофизического года, участник плаваний на судне «Ломоносов», известный специалист в области истории химии океана и гидрохимии, руководитель проблемной группы ИИЕТ В. В. Синюков. Обязанности переводчика взял на себя Д. А. Александров.

Перед началом интервью Р. Дойл сделал ряд замечаний общего характера. Он отметил, что языковой барьер между интервьюером и интервьюируемым и присутствие переводчика делает данное интервью не вполне типичным и может привести к тому, что некоторые существенные детали будут упущены; что помимо языкового существует и другой барьер — «понятийный», поскольку даты и имена, «знаковые» для российской истории науки и российского ученого, могут быть неизвестны и непонятны американскому историку, и наоборот.

* Рональд Дойл, профессор департамента истории и департамента наук о Земле Университета штата Орегон (*Oregon State University, Corvallis*).

** Дэвид Ван Керен работает историком в военно-морской лаборатории ВМФ США в Вашингтоне (*Naval Research Laboratory, US Navy, Washington*) и занимается историей океанографии XX в.

*** Кит Бенсон, профессор истории науки в общеобразовательной программе Университета штата Вашингтон в Сиэтле (*University of Washington, Seattle*). Долгое время был исполнительным секретарем (*executive secretary*) Общества по истории науки (*History of Science Society*). На этом посту разработал программу помощи российским историкам науки, которая за счет спонсорской поддержки членов Общества позволила ряду отечественных историков также стать его членами и получать журнал «*Isis*». К. Бенсон вместе с Д. А. Александровым был организатором российско-американских конференций в Санкт-Петербурге (1996) и Филадельфии (1998) и стажировки аспирантов ИИЕТ РАН в США осенью 1998 г.

Элементом интервью, отсутствовавшим в данном случае, является тщательная предварительная подготовка. Она включает изучение биографии интервьюируемого, в том числе доступные архивные документы; ознакомление с его научной деятельностью и, самое главное, составление вопросника. Этот последний должен быть максимально подробным, даже если интервьюер и не собирается задавать все вопросы. «Я обязательно должен убедиться, — продолжал Р. Дойл, — что знаю полное точное имя моего героя, дату и место его рождения». Подобная подготовка помогает показать человеку, у которого берут интервью, что исследователи уже располагают определенной информацией о нем и достаточно компетентны, чтобы задавать нужные вопросы в нужное время и понимать ответы.

Российские исследователи, как выяснилось в ходе обсуждения, предъявляют к организации интервью сходные требования. По мнению собравшихся, наиболее важными являются корректно составленный список вопросов и доверие собеседника. Это позволяет выстроить интервью таким образом, что оно превращается в монолог*. Доверие складывается из множества чисто психологических факторов, требующих от интервьюера не только знания основ психологии и определенной выдержки, но и юмора и изобретательности.

Обсуждение выявило и некоторые особенности в организации и проведении интервью. Так, по словам Р. Дойла, в процессе интервьюирования американскими исследователями, как правило, производится только аудиозапись. Причиной этого является ограниченное финансирование, но налицо и психологический фактор. Опыт Р. Дойла и его коллег свидетельствует о том, что большинство американцев, дающих интервью, чувствуют себя скованными в присутствии видеокамеры. А миниатюрный диктофон позволяет им забыть о его присутствии и говорить значительно более свободно. В то же время участники обсуждения приветствовали высказанную Д. А. Александровым мысль о желательности и высокой научной ценности «полевых» видеосъемок: быта, работы ученых на исследовательском судне, в лаборатории, совместного проведения досуга, научных дискуссий, научных «ритуалов», — словом, всего того, что характеризует формы социальной жизни и научной деятельности ученых и научных коллективов.

В отличие от американских коллег, сотрудники Центра «Архив науки и техники» ИИЕТ практикуют (при наличии финансовых средств) параллельную аудио- и видеозапись интервью, а также фотографирование. Это результат глубокого убеждения в необходимости сохранить уникальный зрительный образ ученого, особенности его манеры говорить, слушать, одеваться, подробности интерьера. Опыт проводимых сотрудниками ИИЕТ интервью свидетельствует о том, что отечественные ученые в подавляющем большинстве случаев не только не возражают против видеозаписи, но и приветствуют ее. Видеозапись может являться дополнительным стимулом для согласия на интервью, мобилизует интервьюируемого, заставляя его относиться к процессу более ответственно и серьезно. С. С. Илизаров отметил, что сотрудники Центра ни разу не замечали, чтобы присутствие камеры сковывало ученого.

Р. Дойл остановился на тех вопросах, которые обычно входят в состав «опросного листа». Хотя большинство из них связано с личностью опрашиваемого, сферой его интересов и конкретной исследовательской программой, в рамках которой берется интервью, существует ряд обязательных вопросов, задаваемых независимо от возраста, пола, рода деятельности и занимаемой должности. В основ-

* См., например, публикуемое в данном номере ВИЕТ интервью с выдающимся российским историком академиком А. А. Фурсенко.

ном они носят личный характер и касаются родителей, их профессий, положения в обществе, степени влияния на развитие и формирование мировоззрения и интересов интервьюируемого. Сюда входят также вопросы о его начальном образовании, детских интересах, пристрастиях и других факторах, обусловивших выбор профессии, об организации образовательного процесса в высшей школе, мотивах первого обращения к тематике будущих исследований, учителях, сыгравших наибольшую роль в формировании молодого ученого, т. е. о том, что обозначается английским понятием *«background»*. «Мы начинаем с самого начала», — пояснил Р. Дойл, что и было им превосходно продемонстрировано при интервьюировании В. В. Синюкова.

Следующий этап интервью касается вопросов о профессиональной деятельности ученого. Они тоже зависят от *«background»* ученого, рода его деятельности, положения, а также от цели, которую преследует интервью.

Нужно сказать, что при сборе подобного рода сведений историки науки часто сталкиваются с нежеланием отвечать на некоторые вопросы. Подобное нежелание бывает как прямым, выражающимся в четком «нет», так и завуалированным, проявляющимся в попытках обойти нежелательный вопрос, проигнорировать его или сменить тему. Часто интервьюер, по опыту Р. Дойла, сталкивается с мнимой «забывчивостью» ученого, с попыткой сделать вид, что интересующие события просто стерлись из памяти. Однако эта реакция сама по себе может представлять интерес, поскольку свидетельствует о личном отношении к описываемым событиям. Интервьюер старается фиксировать подобную реакцию (обычно в виде пометок в блокноте: «взволнован», «в замешательстве», «покраснел», «поморщился» и т. п.). Эти ремарки, включающиеся затем в «транскрипт» (бумажная копия интервью), несмотря на всю их субъективность, представляют значительную ценность при реконструкции отношения собеседника к описываемым событиям. В то же время, столкнувшись с попыткой уйти от вопроса, историк может вновь вернуться к этому вопросу через некоторое время и в другой редакции.

Искусство спрашивающего заключается как раз в том, чтобы так или иначе «разговорить» своего визави и получить нужные сведения. Каждый интервьюируемый требует индивидуального подхода, разработки особой стратегии и тактики взятия интервью. Тем не менее существуют некоторые общие приемы. Один из них профессор Р. Дойл описывает следующим образом: «[При взятии интервью] у меня с собой обычно есть копии с ранее найденных архивных документов, которые я держу в портфеле и в принципе могу вынуть и спросить человека о том, что он помнит об этом событии». Таким образом опрашиваемому становится значительно труднее уклониться от ответа или сделать вид, что он забыл, о чем идет речь. Кроме того, видя, что часть сведений открыта для широкого доступа, ученый в состоянии оценить степень открытости ранее закрытых тем.

Обсуждаемые вопросы, естественно, поднимают ряд этических и юридических проблем, связанных с хранением и доступом к материалам интервью, их цитирования и т. п. Для того, чтобы интервью прошло успешно, ученые должны быть уверены в том, что запись беседы будет произведена без искажений, что «транскрипт» будет храниться в соответствии с заранее оговоренными условиями, что возможные откровенные оценки или конфиденциальная информация не станет общим достоянием без ведома интервьюируемого. По словам Р. Дойла, практика устной истории в США показывает, что соблюдение этических норм гарантируется даже не столько юридическими механизмами (хотя таковые существуют и действуют), сколько жесткой зависимостью репутации историка от соблюдения им этических норм. И так как доверие к историку является главным условием успешного ин-

тервью, а сообщество ревностно оберегает свою репутацию, то историк, имеющий негативную в этом смысле известность, в дальнейшем едва ли сможет получить работу или поддержку своего следующего проекта. Поэтому ученые, у которых берется интервью, с большим доверием относятся к обязательствам по статусу и режиму доступа к этим материалам.

В этой связи был также затронут вопрос об организации хранения и праве распоряжения исследовательскими материалами. Собравшиеся согласились, что при организации любого проекта по устной истории желательно создавать централизованное хранение, что собственно и позволит гарантировать заранее оговоренные условия доступа к информации. Обычно подобные материалы хранятся в специальных архивах. Одним из них, к примеру, является Библиотека Нильса Бора в Центре устной истории физики Американского института физики. (О хранящихся в Центре интервью и правилах доступа к ним см. подробнее на Web-странице <http://www.aip.org/history/ohi/list.htm>).

Осознавая это, сотрудники Центра «Архив истории науки и техники» организуют хранение собранных материалов по устной истории. Следует отметить, что и отечественные, и американские историки предоставляют интервьюируемому ученому «транскрипт». Ученый сам определяет режим доступа к данному им интервью.

Американские специалисты по устной истории практикуют интервью в несколько этапов, общая продолжительность которых составляет иногда до 24–28 часов, время одного сеанса обычно не превышает полутора — двух часов. Реальная продолжительность интервью зависит от возраста, настроения, свободного времени, состояния здоровья ученого, ресурсов конкретного проекта. Среднее время одного сеанса российских исследователей составляет обычно полтора—три часа, так как после этого времени интервьюируемый утомляется и его внимание рассеивается. Однако многие из ученых выражают желание продолжить беседу. Так произошло и в случае с В. В. Синюковым. За полтора часа, которые длилось интервью, Р. Дойл не исчерпал список вопросов, рассчитанный на гораздо больший отрезок времени.

Успех интервью зависит от множества причин: квалификации исследователя, комплиментарности собеседников, различных психологических особенностей обоих. Все это присутствовало в интервью, взятом Р. Дойлом у В. В. Синюкова. Интервьюируемый вызвал своим рассказом неподдельный интерес собравшихся, поделился яркими, окрашенными юмором воспоминаниями о своей юности, учебе в нескольких вузах, непростом пути в научную область химии океана, эпизодами плавания на исследовательском судне «Ломоносов».

В процессе прошедшей российско-американской встречи состоялись интереснейшие дискуссии по актуальным проблемам устной истории науки, приведшие к возникновению новых идей и замыслов; прошел обмен опытом, в процессе которого было удовлетворено профессиональное любопытство сторон и взяты на вооружение ранее неизвестные приемы интервьюирования; кроме того, была записана одна из наиболее интересных бесед из коллекции ИИЕТ РАН. Аудио- и видеозаписи беседы с В. В. Синюковым хранятся в Центре «Архив науки и техники» ИИЕТ РАН.